

КЛАССИКА
и
ДЕТЕКТИВА

Май Шеваль
Пер Валё

ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ
КАК-ЕГО-ТАМ

ПОЛИЦИЯ,
ПОЛИЦИЯ,
КАРТОФЕЛЬНОЕ
ПЮРЕ!

НЕГОДЯЙ
ИЗ СЕФЛЁ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)-44
III 37

Maj Sjöwall and Per Wahlöö
BRANDBILEN SOM FÖRSVANN
Copyright © Maj Sjöwall and Per Wahlöö 1969
POLIS, POLIS, POTATISMOS!
Copyright © Maj Sjöwall and Per Wahlöö 1970
DEN VEDERVÄRDIGE MANNEN FRÅN SÄFFLE
Copyright © Maj Sjöwall and Per Wahlöö 1971
Published by agreement with Salomonsson Agency
All rights reserved

Перевод со шведского
Геннадия Чемеринского, Нины Крымовой, Софьи Фридлянд

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-17324-8

© С. Л. Фридлянд (наследник), перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство Иностранка®

**ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ
КАК-ЕГО-ТАМ**

Мужчина, лежавший в аккуратно застеленной кровати, был мертв. Перед смертью он снял пиджак с галстуком и повесил их на стул, стоявший у двери. Затем расшнуровал туфли, поставил под стул и сунул ноги в черные кожаные шлепанцы. Потом выкурил три сигареты с фильтром и смял их в пепельнице на столике у кровати. После чего он улегся в кровать, на спину, и выстрелил себе в рот.

Выглядел покойник не слишком опрятно.

Его ближайшим соседом был ушедший на покой армейский капитан, которого ранили в бедро во время охоты на лосей год назад. Из-за этого несчастного случая капитан начал страдать бессонницей и часто ночами напролет раскладывал пасьянс. На сей раз, едва взяв колоду карт, отставной военный услышал выстрел за стеной и сразу же вызвал полицию.

Без двадцати четыре утра седьмого марта двое патрульных полицейских взломали дверь и вошли в квартиру, где уже тридцать две минуты в кровати лежал труп. Стражам порядка не понадобилось много времени, чтобы понять: мужчина почти наверняка совершил самоубийство. Прежде чем вернуться к своему автомобилю и сообщить по рации о смерти, полисмены осмотрели квартиру, хотя, в общем-то, это не входило в их обязанности. Спальня, гостиная, кухня, прихожая, ванная, встроенный платяной шкаф... Ни прощального письма, ни какой-либо записки нигде не обнаружилось. Лишь в блокноте, лежащем на телефонном столике в гостиной, были написаны два слова. Эти два слова составляли

имя и фамилию. Имя и фамилию, которые патрульные прекрасно знали.

Мартин Бек.

Были именины у Оттилии¹.

Около одиннадцати часов утра Мартин Бек вышел из здания Южного управления полиции², пристроился в конце очереди в государственный винный магазин на Карусельплан и купил бутылку хереса. По пути к метро Бек купил также дюжину красных тюльпанов и коробку английского сырного печенья. Одно из шести имен его матери, данных ей при крещении, было Оттилия³, и сын хотел поздравить ее с именинами.

Большое здание богадельни выглядело ветхим. Особые неудобства его ветхость создавала тем, кто вынужден был здесь работать. Мать Мартина Бека переехала сюда год назад, однако вовсе не потому, что не могла себя самостоятельно обслуживать. В свои семьдесят восемь лет она сохраняла неплохое самочувствие и даже подвижность. Просто женщина не хотела становиться обузой для единственного сына. Она подала заявку на место в доме престарелых, и, когда освободилась подходящая комната — другими словами, когда предыдущий жилец умер, — Оттилия продала большую часть своих вещей и поселилась тут. После смерти отца восемнадцать лет назад Мартин Бек оставался единственной опорой матери и периодически испытывал угрызения совести из-за того, что не может сам за ней присматривать. Однако в глубине души он был ей благодарен: ведь она сама все решила, даже не спросив у него совета.

¹ На самом деле 7 марта в Швеции именины у Камиллы, именины *Оттилии* празднуют 9 апреля. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, — примеч. ред.*)

² Речь идет об управлении полиции на острове Сёдермальм, который чаще называют просто Сёдер (букв. «южный»).

³ Распространенное значение имени *Оттилия* — «богатая женщина» (от *ст.-нем. aud* — «богатство»).

Бек пересек маленькие мрачные гостиные, где никогда никто не сидел, прошел по полутемному коридору и постучал в комнату матери. Не дожидаясь ответа, он вошел внутрь. Его появление, очевидно, стало сюрпризом для старушки: она была немного глуховата и не услышала тихого стука в дверь. Увидев сына, женщина расцвела, отложила в сторону книгу и начала подниматься из кресла. Мартин Бек быстро приблизился к ней, поцеловал ее в щеку и мягко, но решительно усадил обратно.

— Ради бога, не волнуйся, — сказал он. Затем положил цветы ей на колени, а бутылку и коробку с печеньем поставил на стол. — Дорогая мамочка, поздравляю тебя.

Она развернула тюльпаны и сказала:

— Ах, какие чудесные цветы! И печенье! И вино! Или что это? Ах, херес. Как я тебе благодарна! — Она встала, несмотря на протесты Мартина Бека, подошла к буфету и взяла серебряную вазу, которую наполнила водой из-под крана. — Я еще не так стара и беспомощна, чтобы не ходить своими ногами, — заявила она. — А тебе как раз будет полезнее посидеть. Мы будем пить херес или кофе?

Сняв шляпу и пальто, он сел.

— Полагаюсь на твой выбор.

— В таком случае я сварю кофе. А хересом я угощу наших старушек и похвастаюсь, какой у меня замечательный сын. Такой напиток нужно расходовать экономно.

Мартин Бек молча наблюдал, как она включает электроплитку, отмеряет воду и кофе. Оттилия была маленькой и хрупкой, и каждый раз, когда сын навещал ее, ему казалось, что она становится все меньше и меньше.

— Тебе здесь не скучно, мама?

— Мне? Я никогда не скучаю.

Ответ прозвучал слишком быстро для того, чтобы быть правдивым. Мать поставила кофейник на плиту, а вазу с цветами — на стол.

— Не беспокойся обо мне, — сказала она. — У меня здесь очень много занятий. Я читаю, беседую с другими старушка-

ми и еще вяжу. Иногда выхожу в город. Просто ужасно, как его разрушают! Ты знаешь, что здание, в котором работал твой отец, снесли?

Мартин Бек кивнул. Отец имел небольшую транспортную фирму в округе Клара; теперь на ее месте возвышался торговый центр из стекла и бетона. Бек посмотрел на фотографию отца, стоящую на тумбочке у кровати. Снимок сделали в середине двадцатых годов, когда Мартину не исполнилось и семи лет, а его родитель был еще молодым мужчиной с ясными глазами, блестящими волосами, расчесанными на косой пробор, и упрямым подбородком. Говорили, что сын похож на отца. Сам Бек никакого сходства обнаружить не мог, но даже если оно и имелось, то ограничивалось лишь физическими чертами. Он помнил своего отца как открытого, веселого человека, который часто смеялся и шутил, и его все любили. Себя же Мартин мог назвать застенчивым и достаточно скучным субъектом. В то время, когда отец снялся на фото, он работал строителем, но через несколько лет начался кризис, и ему пришлось два года мыкаться без дела. Мартин Бек считал, что мать так и не смогла забыть об этих годах нищеты и тревоги, и, хотя потом все наладилось, она по-прежнему вечно беспокоилась о деньгах. Она до сих пор не могла заставить себя сделать покупку, если та действительно не была абсолютно необходимой. Одежда и мебель, взятые Оттилией сюда из дому, служили ей много-много лет.

Мартин Бек время от времени пытался давать матери деньги и предлагал заплатить за квартиру, однако гордая и упрямая старушка предпочитала сохранять независимость.

Как только кофе закипел, Мартин Бек снял кофейник с плиты и позволил матери разлить напиток в чашки. Она всегда заботилась о сыне и, когда он был мальчиком, не разрешала ему даже помочь ей вымыть посуду или застелить его собственную постель. Он до тех пор не понимал, насколько пагубна ее заботливость, пока не обнаружил, что ужасно неуклюж при выполнении простейших домашних дел.

Мартин Бек с изумлением увидел, как мать отправила кусочек сахара в рот, прежде чем сделать глоток кофе. Раньше он никогда не замечал, чтобы она пила кофе вприкуску. Перехватив его взгляд, она сказала:

— Ах, в моем возрасте уже можно разрешить себе маленькие вольности. — Она поставила чашку и откинулась на спинку кресла, положив худые веснушчатые руки на колени. — Ну а теперь расскажи мне, как поживают мои внуки.

В последнее время Мартин Бек соблюдал особую осторожность и рассказывал матери о ее внуках только хорошее, ибо она считала их самыми умными, талантливыми и красивыми. Она часто упрекала сына за то, что он недооценивает своих детей, и даже обвиняла его в том, что он груб с ними. Он же полагал, что может трезво оценить их способности, и считал, что его дети такие же, как и все остальные. Он был в прекрасных отношениях с шестнадцатилетней Ингрид, живой, умной, очень общительной девушкой, легко одолевавшей школьную премудрость. С Рольфом же, чей возраст приближался к тринадцати годам, проблем возникало побольше. Учеба в школе его совершенно не занимала, он рос ленивым и замкнутым; казалось, у него вообще отсутствуют какие-либо интересы. Мартина Бека беспокоила пассивность сына, но он надеялся, что это объясняется переходным возрастом и скоро парень выйдет из состояния летаргии. Ничего хорошего о Рольфе сейчас рассказать Бек не мог, а правде мать все равно бы не поверила, поэтому он решил вообще не упоминать о сыне. Но рассказ об успехах Ингрид в учебе старушка неожиданно прервала:

— Рольф не сбегает после окончания школы пойти по твоим стопам?

— Не думаю. К тому же ему еще нет и тринадцати. О таких вещах пока рановато беспокоиться.

— Если он захочет, ты обязан остановить его, — сказала она. — Я никогда не понимала, почему ты с таким упрямством рвался на службу в полицию. А сейчас это еще более

ужасная работа, чем тогда, когда ты только начинал. Кстати, Мартин, почему ты стал полицейским?

Мартин Бек с изумлением уставился на нее. Он знал: она была против его выбора профессии двадцать четыре года назад, но его удивило, что она снова затронула эту тему. Уже примерно год он числился комиссаром государственной комиссии по расследованию убийств, и теперь условия его работы совершенно отличались от условий труда молодого патрульного, каковым он когда-то являлся.

Он подался вперед и положил ладонь на ее руку.

— У меня все хорошо, мама, — сказал он. — Сейчас я в основном сижу за письменным столом. Впрочем, я сам часто задаю себе твой вопрос.

Это была правда. Он часто спрашивал сам себя, почему стал полицейским.

Конечно, он мог ответить так: в то время, в военные годы, это был хороший способ избежать службы в армии. После двухлетней отсрочки, вызванной нездоровыми легкими, его признали годным и больше не дали освобождения, так что причина у него имелась, и достаточно веская, ведь просто отказников в 1944 году не слишком жаловали. Но многие из тех, кто, подобно ему, избежал службы в армии, поступив в полицию, давно сменили профессию, а он дорос до звания комиссара. Очевидно, это должно было означать, что он хороший полицейский, хотя сам он не был в этом уверен. Он даже не был уверен в том, хочется ли ему быть хорошим полицейским, если это означает быть пунктуальным человеком, который никогда ни на йоту не отклоняется от инструкций. Он помнил слова, однажды сказанные Леннартом Кольбергом:

— Есть много хороших полицейских. Тупые парни — всегда хорошие полицейские. Бесчувственные, ограниченные, грубые, самодовольные типы тоже хорошие полицейские. Однако было бы намного лучше, если бы среди полицейских было просто побольше хороших парней.

Вместе с матерью они вышли в парк и немного погуляли. Было слякотно, ледяной ветер раскачивал голые ветви деревьев. Через десять минут Мартин Бек проводил мать до крыльца и поцеловал ее в щеку. Спускаясь с холма, он обернулся и увидел, что она все еще стоит на крыльце, чуть покачиваясь от ветра. Маленькая, морщинистая и седая.

Он сел в метро и поехал в Южное управление на Вестберга-алле.

По пути к себе он заглянул в кабинет Кольберга. Старший криминальный ассистент Кольберг был помощником и лучшим другом Мартина Бека. Однако кабинет Кольберга оказался пустым. Мартин Бек посмотрел на часы. Четверг, половина второго. Сообразить, где в данный момент находится Кольберг, можно было без особых усилий. На какое-то мгновение Мартин Бек даже задумался над тем, не присоединиться ли к Кольбергу, поедающему в столовой гороховый суп, но вспомнил о своем желудке и отказался от этого намерения. Он неважно себя чувствовал после нескольких чашек кофе, выпитых у матери.

На его письменном столе лежал короткий рапорт о человеке, который нынешним утром совершил самоубийство.

Звали покойника Эрнст Сигурд Карлссон, было ему сорок шесть лет. Он был холост, его ближайшая родственница, старая тетка, жила в Буресе. Работал Карлссон в страховой компании, на работе с понедельника отсутствовал. Болел гриппом. Коллеги сообщили, что был он одинок и, насколько им известно, близких друзей не имел. Соседи сказали, что он был тихим и безобидным, приходил и уходил точно в определенное время и редко принимал гостей. Исследование образцов его почерка показало, что именно он написал имя Мартина Бека в телефонном блокноте. Не подлежало никакому сомнению, что он совершил самоубийство.

Расследовать здесь было нечего. Эрнст Сигурд Карлссон сам покончил с жизнью, а самоубийство не считается в Швеции преступлением, и у полиции вопросов по данному делу

не возникло. За исключением одного. Тот, кто составлял рапорт, тоже задал себе этот вопрос: «Не был ли знаком комиссар Мартин Бек с самоубийцей и не мог бы он что-нибудь добавить?»

Мартин Бек не мог.

Он никогда раньше не слышал о человеке по имени Эрнст Сигурд Карлссон.

2

Когда Гунвальд Ларссон в половине одиннадцатого вечера вышел из своего кабинета в управлении полиции на Кунгсхольмсгатан, в его планы вовсе не входило стать героем — конечно, если не считать подвигом поездку домой, в Больмору, где ему предстояло принять душ, облачиться в пижаму и лечь в постель. Гунвальд Ларссон с удовольствием подумал о своей пижаме. Он только сегодня ее купил, и большинство его коллег не поверили бы, узнай они, сколько она стоит. По дороге домой ему предстояло выполнить одно маленькое служебное дело, не обещавшее задержать его больше чем на пять минут, а возможно, и того меньше. Все еще думая о своей пижаме, он надел болгарскую дубленку, выключил свет и захлопнул дверь. Дряхлый лифт, как обычно, работал плохо, и Ларссону пришлось дважды ударить ногой в пол, чтобы заставить его двинуться. Гунвальд Ларссон был крупным мужчиной, ростом 192 сантиметра и весом более ста килограммов, так что топал ногой он внушительно.

На улице было холодно, порывы ветра бросали в лицо сухой, колючий снег, но Ларссону предстояло пройти всего лишь несколько шагов до машины, и поэтому плохая погода его не волновала.

Поглядывая по сторонам, Гунвальд Ларссон поехал через Вестербрун. Он видел городскую ратушу с тремя подсвеченными желтым светом золотыми коронами на шпилье над башней и тысячи других огней. Он повел автомобиль прямо до Хорнсплан, свернул влево на Хорнсгатан, а потом направо

у станции метро Цинкенсдамм. Проехав еще около пятисот метров в южном направлении по Рингвеген, он притормозил и остановился.

Несмотря на близость этого района к центру Стокгольма, многоэтажные дома здесь отсутствовали. К западу от улицы простирался парк Тантолунден, с противоположной стороны возвышался каменный холм, у подножия которого находились автостоянка и заправочная станция. Улица называлась Шёлдгатан, но в действительности была вовсе не улицей, а скорее частью обычной дороги, оставленной тут по совершенно необъяснимым причинам архитекторами, буквально опустошившими весь этот район города, впрочем, как и большинство других районов, лишившихся собственного лица и уюта.

Шёлдгатан в длину не превышала трехсот метров и соединяла Рингвеген и Розенлундсгатан, ездили по ней в основном такси и редкие полицейские автомобили. Летом здесь был своеобразный зеленый оазис, и, несмотря на оживленное движение по Рингвеген и грохот поездов метро всего в пятидесяти метрах отсюда, подростки со всего района, запасшись вином, сосисками и засаленными колодами карт, собирались в кустах и знали, что никто их не станет беспокоить. Однако зимой тут вряд ли кто-нибудь появился бы по собственной воле.

Но именно в этот вечер, седьмого марта 1968 года, в кустах к югу от дороги терпеливо стоял и мерз человек. Он смотрел, хотя и недостаточно внимательно, на жилой дом, деревянное двухэтажное здание старой постройки. Еще несколько минут назад в двух окнах на втором этаже горел свет, оттуда доносились музыка, веселые голоса и взрывы смеха, но теперь все огни в доме погасли, и стоящий в кустах человек слышал лишь завывание ветра и приглушенный шум уличного движения. Человек стоял в кустах не по собственной воле. Он был полицейским, звали его Цакриссон, и больше всего на свете ему хотелось оказаться в любом другом месте.

Гунвальд Ларссон вышел из машины, поднял воротник и натянул меховую шапку на уши. Он пересек широкое шоссе, прошел мимо заправочной станции и зашагал по грязному размокшему снегу. Дорожная служба наверняка не хотела тратить свои запасы соли на этот неиспользуемый участок шоссе. Дом располагался в семидесяти пяти метрах отсюда, чуть выше уровня дороги и под острым углом к ней. Ларссон остановился, огляделся вокруг и тихо позвал:

— Цакриссон?

Человек в кустах вздрогнул и подошел к нему.

— Плохие новости, — сказал Гунвальд Ларссон. — Тебе придется отдежурить еще два часа. Изакссон заболел.

— О черт! — воскликнул Цакриссон.

Гунвальд Ларссон посмотрел на дом, поморщился и сказал:

— Тебе следовало бы стоять на склоне.

— Конечно, если бы я захотел отморозить себе задницу, — мрачно ответил Цакриссон.

— Если бы ты захотел иметь хороший обзор. Что-нибудь происходило?

— Почти ничего, — покачал головой Цакриссон. — Там было что-то вроде вечеринки. Похоже, теперь они уснули.

— А Мальм?

— Он тоже спит. Свет у него в квартире погас три часа назад.

— Все это время он был один?

— Кажется, да.

— Кажется? Кто-нибудь выходил из дома?

— Я никого не видел.

— Что же в таком случае ты видел?

— За то время, что я здесь стою, в дом вошли три человека. Парень и две девушки. Они приехали на такси. Думаю, они участвовали в той вечеринке.

— Думаешь? — иронически произнес Гунвальд Ларссон.

— Черт возьми, а что же мне еще остается предположить? У меня ведь нет...

Зубы у Цакриссона так стучали, что ему было трудно говорить.

— Ну, так чего же у тебя нет? — поинтересовался Гунвальд Ларссон, окинув его критическим взглядом.

— Рентгеновских лучей в глазах, — мрачно ответил Цакриссон.

Гунвальд Ларссон был строг и не считался со слабостями других людей. В полиции его достаточно хорошо знали, и многие его побаивались. Если бы Цакриссон знал его получше, то никогда не решился бы так себя вести — другими словами, вести себя естественно, — но даже Гунвальд Ларссон не мог совершенно игнорировать тот факт, что его подчиненный устал и замерз, а следовательно, его состояние и наблюдательные способности вряд ли улучшатся в следующие несколько часов. Ларссон понимал, что нужно делать, но вовсе не собирался из-за этого прекращать наблюдение. Он раздраженно хмыкнул.

— Ты замерз?

Цакриссон издал глухой смешок и попытался соскрести льдинки с ресниц.

— Замерз? — иронически переспросил он. — Я чувствую себя, как те три парня, которых засунули в пылающую печь¹.

— Ты здесь не для того, чтобы развлекаться, — заметил Гунвальд Ларссон. — Ты здесь для того, чтобы работать.

— Да, конечно, но...

— А твоя работа заключается и в том, чтобы уметь тепло одеваться и правильно двигаться. В противном случае ты превратишься в ледяную статую и, если что-нибудь случится, не сможешь двинуться с места. И тогда, возможно, тебе не будет так весело.

Цакриссон насторожился, он уже начал кое-что подозревать. Он вздрогнул и сказал извиняющимся тоном:

— Да-да, конечно, у меня все хорошо, но...

¹ «И ходили посреди пламени, воспевая Бога и благословляя Господа» (Дан. 3: 24).

— Нет, вовсе не хорошо, — раздраженно бросил Гунвальд Ларссон. — Я отвечаю за это задание и не желаю его срывать из-за плохой работы рядового полицейского.

Рядовому полицейскому Цакриссону было только двадцать три года. Он работал в отделе охраны второго участка. Старший криминальный ассистент уголовной полиции Стокгольма Гунвальд Ларссон был на двадцать лет старше. Цакриссон открыл рот, чтобы что-то сказать, но Гунвальд Ларссон поднял свою могучую правую руку и сердито заявил:

— Хватит болтать. Отправляйся в полицейский участок на Розенлундсгатан и выпей кофе или еще что-нибудь. Ровно через полчаса ты должен вернуться сюда свежим и энергичным, так что тебе лучше поторопиться.

Цакриссон ушел. Гунвальд Ларссон взглянул на свои часы, вздохнул и подумал: «Молокосос».

Он повернулся кругом, продрался сквозь кусты и начал карабкаться вверх по склону, ругаясь вполголоса, поскольку его итальянские зимние ботинки на толстой резиновой подошве скользили по обледеневшим камням.

Цакриссон был прав, утверждая, что на холме нет никакого укрытия от пронизывающего северного ветра, однако и сам Ларссон тоже был прав, называя вершину холма лучшим наблюдательным пунктом. Дом стоял перед ним как на ладони. Ларссон мог видеть все, что происходит в доме и возле него. Окна полностью или частично покрывал иней, свет нигде не горел. Единственным признаком жизни был дым из трубы, клубы которого тут же уносило порывами ветра в беззвездное небо.

Человек, стоящий на вершине холма, машинально переступал ногами и двигал пальцами в меховых перчатках. Прежде чем стать полицейским, Гунвальд Ларссон был моряком, сначала простым матросом в военно-морском флоте, потом плавал на грузовых судах в Северной Атлантике, и бесчисленные вахты на открытом ветрам мостике обучили его искусству сохранять тепло. Он также был специалистом по заданиям, подобным нынешнему, хотя теперь уже пред-

почитал лишь руководить. Немного постояв на холме, он заметил какой-то проблеск света в крайнем правом окне на втором этаже, словно кто-то зажег спичку, чтобы закурить сигарету или посмотреть, например, который час. Ларссон машинально взглянул на свои часы. «Четыре минуты двенадцатого. Цакриссон отсутствует уже шестнадцать минут. Наверное, сидит сейчас в буфете полицейского участка округа Мария и болтает с коллегами, попивая кофе. Однако это удовольствие продлится недолго, потому что через семь минут ему придется отправляться в обратный путь. Если, конечно, он не хочет получить выволочку», — подумал Гунвальд Ларссон, хмурясь.

Несколько минут он размышлял о людях, которые могли в настоящий момент находиться в доме. В этом старом здании было четыре квартиры, две на первом этаже и две на втором. На втором этаже слева жила незамужняя женщина лет тридцати пяти с тремя детьми от разных отцов. Больше об этой женщине Ларссон ничего не знал и не стремился узнать. В квартире слева на первом этаже жила пожилая супружеская пара. Им было около семидесяти, и жили они здесь уже лет пятьдесят, тогда как в верхних квартирах жильцы менялись довольно часто. Муж любил выпивать и, несмотря на преклонный возраст, был постоянным клиентом полицейского участка округа Мария. В квартире справа на втором этаже жил мужчина, тоже хорошо известный полиции, но по причинам, гораздо более серьезным, чем регулярные субботние пьяные скандалы. Ему было двадцать семь лет, и он уже успел шесть раз побывать в тюрьме. Преступления он совершал самые разные: от вождения автомобиля в нетрезвом виде до драк и грабежа. Звали его Рот, это он устроил вечеринку для своего приятеля и двух подружек. Сейчас они уже выключили магнитофон и свет — либо улеглись спать, либо развлекались несколько иным способом. Именно кто-то из них зажег спичку, мелькнувшую в окне.

Под квартирой Рота, на первом этаже справа, жил человек, за которым наблюдал Гунвальд Ларссон. Он знал, как

зовут этого человека и как этот человек выглядит. Однако, что было довольно странно, Ларссон не имел ни малейшего понятия, зачем понадобилось следить за этим человеком.

Дело обстояло так. Гунвальд Ларссон являлся специалистом по раскрытию убийств и обезвреживанию опасных преступников, а поскольку в настоящий момент дела, связанные с убийствами, отсутствовали, его откомандировали в другой отдел, где он отвечал за это задание в дополнение к своим основным служебным обязанностям. Ларссон получил в подчинение четырех сотрудников и простой приказ от начальства: не позволить указанному человеку исчезнуть, не допустить, чтобы с ним произошло несчастье, и фиксировать всех, с кем он встречается.

Гунвальд Ларссон даже не поинтересовался, зачем это нужно. Наверное, наркотики. Похоже, сейчас все связано с наркотиками.

Наблюдение продолжалось вот уже десять дней, и наиболее примечательным событием за это время стала покупка «объектом» Ларссона двух бутылок ликера и приход проститутки.

Гунвальд Ларссон посмотрел на часы. Девять минут двенадцатого. Остается восемь минут.

Он зевнул и развел руки в стороны, чтобы похлопать себя по бокам.

И тут дом взорвался.

3

Пламя взметнулось с громким хлопком. Окна квартиры справа на первом этаже вылетели наружу, и, казалось, фронтон откололся от дома, когда одновременно со взрывом сквозь выбитые стекла вырвались длинные голубоватые языки пламени. Гунвальд Ларссон стоял на вершине холма, раскинув руки в стороны, словно статуя Христа Спасителя, и оцепенело смотрел на то, что происходит на противоположной стороне дороги. Однако в таком состоянии он на-

ходилась лишь какое-то мгновение. Потом побежал, скользя и ругаясь, вниз по склону холма, через дорогу, прямо к дому. Характер и цвет пламени тем временем изменился, оно стало оранжевым и жадно лизало деревянные стены. Ларссону показалось, что крыша в правой части дома начала оседать, словно из-под нее убрали фундамент. Квартиру на первом этаже за несколько секунд охватило пламенем, и, когда старший криминальный ассистент подбежал к каменным ступенькам крыльца перед входной дверью, в комнате на втором этаже уже тоже вовсю полыхало.

Ларссон распахнул дверь и сразу понял: слишком поздно. Дверь справа, ведущую в прихожую, сорвало с петель, и она заблокировала лестницу. Лестница вспыхнула, словно гигантское бревно, и огонь начал распространяться по деревянным ступенькам. Волна нестерпимого жара ударила Ларссона, он зашатался, обожженный и ослепленный, и отступил назад, на крыльцо. Из дома доносились отчаянные крики людей, охваченных ужасом. Насколько знал старший криминальный ассистент, в доме находились по меньшей мере одиннадцать человек, запертых в смертельной ловушке. Вероятно, некоторые из них уже погибли. Языки пламени вырывались из окон первого этажа, словно из гигантского сопла.

Гунвальд Ларссон быстро огляделся вокруг в поисках лестницы или чего-нибудь еще, но ничего не нашел.

На втором этаже распахнулось окно. Сквозь дым и огонь старший криминальный ассистент разглядел женщину или, скорее, девушку, которая истерически кричала. Он приложил ладони рупором ко рту и громко скомандовал:

— Прыгай! Прыгай вправо!

Она уже взобралась на подоконник, но все еще колебалась.

— Прыгай! Немедленно! Как можно дальше! Я поймаю тебя.

Девушка прыгнула. Он поймал ее правой рукой за ноги, а левой за плечи. Она оказалась вовсе не тяжелой, наверное, весила килограммов сорок — сорок пять. Он ловко подхватил ее, не дав даже коснуться земли. Затем повернулся спиной

к бушующему огню, чтобы девчонку не обожгло, сделал три шага и положил ее на снег. Спасенной было не больше семнадцати. Совершенно голая, она вся дрожала и билась в истерике. Каких-либо ран на теле девицы старший криминальный ассистент не обнаружил.

Когда он снова повернулся к дому, на подоконнике стоял мужчина, завернутый в простыню. Пожар усилился, из-под крыши валил дым, справа языки пламени уже начали прорываться сквозь черепицу. «Когда же наконец приедут эти чертовы пожарные!» — подумал Гунвальд Ларссон, подбираясь к огню как можно ближе. Горящее дерево трещало, фонтаны искр брызгали на лицо и дубленку полисмена, и так уже всю прожженную. Он громко закричал, чтобы перекрыть рев огня:

— Прыгай! Как можно дальше! Вправо!

Мужчина прыгнул, но тут вдруг вспыхнул край его простыни. Человек пронзительно закричал и попытался в панике сбросить с себя горящую материю. На сей раз приземление оказалось не таким успешным. Мужчина был значительно тяжелее девушки, он перевернулся в воздухе, неудачно задел Гунвальда Ларссона левой рукой и рухнул на землю, врезавшись плечом в булыжники. В последний момент старший криминальный ассистент успел подставить свою левую руку под голову падавшего, смягчив удар. Потом положил парня на землю, схватил горящую простыню и отбросил ее в сторону, при этом безнадежно прожег собственные перчатки. Мужчина тоже был голый, лишь на руке поблескивало золотое обручальное кольцо. Он ужасно стонал и издавал гортанные звуки, словно обезьяна. Гунвальд Ларссон оттащил его на несколько метров и оставил лежать на снегу вне досягаемости падающих горящих балок. Когда полисмен снова повернулся к дому, из квартиры справа на верхнем этаже прыгнула женщина в черном бюстгальтере. Ее рыжие волосы горели. Приземлилась она слишком близко к стене.

Гунвальд Ларссон бросился вперед и оттащил женщину от горячей деревянной обшивки в более безопасное место, по-

гасил ее волосы снегом и оставил лежать. Она кричала и корчилась от боли; полицейский видел: дама сильно обгорела. Очевидно, она еще к тому же и неудачно упала, одна ее нога выгнулась под неестественным углом к туловищу. Женщина была немного старше прыгнувшей первой девушки: лет приблизительно двадцати пяти, рыжеволосая, волосы между ног тоже рыжие. На животе дамы Ларссон не заметил каких-либо видимых повреждений, кожа у нее была бледная и вялая. А вот на ее лице, ногах, спине и груди он увидел множество ожогов: бюстгальтер сгорел прямо на ней.

Подняв взгляд ко второму этажу, Гунвальд Ларссон увидел пылающую, как факел, фигуру, которая вскинула руки над головой и исчезла. Он догадался: это четвертый участник вечеринки и помощь ему уже не понадобится.

Чердак тоже пылал. В густом дыму потрескивали деревянные перекрытия. Крайнее окно слева распахнулось, кто-то звал на помощь. Гунвальд Ларссон ринулся туда и увидел женщину в белой ночной рубашке, перегнувшуюся через подоконник и прижимающую к груди какой-то сверток. Ребенок. Из открытого окна валил дым, однако в квартире, по видимому, еще не сильно горело, по крайней мере в той комнате, где находилась женщина.

— Помогите! — в отчаянии кричала она.

Пожар еще не успел полностью охватить эту часть дома, и Гунвальду Ларссону удалось подойти вплотную к стене прямо под окном.

— Бросай ребенка! — закричал он.

Женщина без колебаний мгновенно бросила ребенка вниз и едва не застала Ларссона врасплох. Он увидел, что сверток падает прямо на него, и в последний момент успел вытянуть руки вперед и ловко поймал ребенка, как вратарь ловит мяч со штрафного удара. Ребенок был очень маленький, он немного хныкал, но не кричал. Гунвальд Ларссон несколько секунд стоял, держа его в руках. Старший криминальный ассистент совершенно не имел опыта обращения с детьми и даже не мог вспомнить, приходилось ли ему когда-либо

вообще держать на руках ребенка. Испугавшись, не слишком ли сильно он сдавил малыша, Ларссон положил сверток на землю. Сзади послышались чьи-то торопливые шаги, и полицейский обернулся. К нему приближался Цакриссон, запыхавшийся и весь багровый.

— Что с вами? — выдавил он. — Как?..

— Где эти чертовы пожарные? — заорал Гунвальд Ларссон.

— Я думал, они уже здесь... Я увидел пожар, когда был на Розенлундсгатан... Вернулся и позвонил...

— Беги снова назад, вызови пожарную машину и «скорую помощь»...

Цакриссон повернулся и побегал.

— И полицию! — вдогонку ему закричал Гунвальд Ларссон.

У Цакриссона с головы слетела шапка, он остановился, чтобы ее поднять.

— Идиот! — заорал Гунвальд Ларссон.

Он вернулся к дому, вся правая часть которого теперь превратилась в бушующий ад. Женщина в ночной рубашке стояла в задымленном окне и на этот раз держала на руках другого ребенка, рыженького мальчика лет пяти, одетого в голубую пижаму. Она бросила его вниз так же быстро и неожиданно, как в первый раз, но теперь Ларссон был начеку и уверенно поймал ребенка. Как ни странно, но мальчик во все не казался испуганным.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Ларссон.

— Ты пожарник?

— О боже, отстань от меня! — воскликнул Гунвальд Ларссон и поставил мальчика на землю.

Он снова посмотрел вверх, и в этот момент кусок черепицы попал ему в голову. Черепица раскалилась докрасна, и, хотя меховая шапка смягчила удар, у старшего криминального ассистента потемнело в глазах. Он почувствовал рез-

кую боль во лбу, по лицу хлынула кровь. Женщина в ночной рубашке исчезла. «Наверное, бросилась за третьим ребенком», — подумал Ларссон, и в этот момент женщина появилась в окне с большой фарфоровой статуэткой собаки, которую сразу же швырнула вниз. Статуэтка упала на землю и раскололась на мелкие кусочки. В следующее мгновение женщина прыгнула сама. На этот раз все получилось не так удачно. Она приземлилась прямо на Гунвальда Ларссона и сбила его с ног. Он упал, сильно ударился головой и спиной, однако тут же сбросил с себя оказавшуюся сверху женщину и вскочил на ноги. Женщина в ночной рубашке, очевидно, не пострадала, но взгляд ее широко раскрытых глаз был безумным. Он посмотрел на нее и сказал:

— У вас есть еще один ребенок?

Она уставилась на него, потом сгорбилась и начала подвывать, как раненый зверь.

— Вставайте и займитесь вашими детьми, — сказал Гунвальд Ларссон.

Пожаром был теперь охвачен весь второй этаж, языки пламени уже вырывались из того окна, откуда прыгнула женщина. Однако двое стариков все еще оставались в квартире слева на первом этаже. Там еще не горело, но пожилая чета не подавала никаких признаков жизни. Очевидно, в квартире полно дыма, кроме того, через несколько минут может рухнуть крыша.

Гунвальд Ларссон огляделся и увидел в нескольких метрах от себя большой камень. Он вмерз в землю, но Ларссон выковырял его. Камень весил килограммов двадцать. Ларссон поднял его над головой на вытянутых руках и что было силы швырнул в крайнее левое окно на первом этаже. Оконная рама и стекло разлетелись вдребезги. Ларссон вскочил на подоконник, сорвал штору и, перевернув столик, спрыгнул на пол в комнату, полную густого, удушливого дыма. Он закашлялся и прикрыл рот шерстяным шарфом. Вокруг все горело. В дыму он различил фигуру, неподвижно лежащую

на полу. Наверное, старуха. Он поднял ее, перенес беспомощное тело к окну, подхватил под мышки и осторожно опустил на землю. Она безвольно привалилась к стене. Без сознания, но, по-видимому, жива.

Гунвальд Ларссон сделал глубокий вдох и вернулся в комнату. Он сорвал штору с другого окна и разбил его стулом. Дым слегка рассеялся, но потолок был охвачен оранжевыми языками пламени, которое распространялось от входной двери. Ларссону понадобилось не более пятнадцати секунд, чтобы найти старика. Он не делал попыток встать с кровати, но был жив и жалобно, приглушенно кашлял.

Гунвальд Ларссон отшвырнул в сторону одеяло, взвалил старика на плечо, вернулся к окну и выбрался наружу. Он сильно кашлял и почти ничего не видел, потому что кровь из раны на лбу заливала ему лицо, смешиваясь с потом и слезами.

Все еще держа на плече старика, он оттащил старуху подальше от дома и уложил их обоих рядышком на землю. Потом убедился в том, что женщина дышит. Снял прожженную дубленку, накрыл ею голую девушку, которая истерически рыдала, и отвел ее к остальным. Снял с себя твидовый пиджак и укутал им двоих маленьких детей. Шерстяной шарф дал голому мужчине, который сразу же обернул его вокруг бедер. Потом полицейский взял на руки рыжеволосую женщину и перенес ее поближе к остальным. Она отвратительно пахла и пронзительно кричала.

Он посмотрел на дом; бушующее пламя теперь уже стало неуправляемым. Несколько легковых автомобилей остановилось на шоссе, из них выбегали растерянные люди. Он не обращал на них внимания. Стащил с головы разодранную меховую шапку и надел ее на женщину в ночной рубашке. Повторил вопрос, который задал ей несколько минут назад:

— У вас есть еще один ребенок?

— Да... Кристина... У нее комната в мансарде.

Женщина безудержно зарыдала.

Гунвальд Ларссон покачал головой.

СОДЕРЖАНИЕ

Человек по имени Как-его-там <i>Перевод Г. Чемеринского</i>	5
Полиция, полиция, картофельное пюре! <i>Перевод Н. Крымовой</i>	251
Негодяй из Сефлѐ <i>Перевод С. Фридлянд</i>	441

Шеваль М., Валё П.

Ш 37 Человек по имени Как-его-там ; Полиция, полиция, картофельное пюре! ; Негодяй из Сефлэ : романы / Май Шеваль, Пер Валё ; пер. со швед. Г. Чемеринского, Н. Крымовой, С. Фридлянд. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 640 с. — (Иностранная литература. Классика детектива).

ISBN 978-5-389-17324-8

Май Шеваль и Пер Валё — шведские журналисты, авторы знаменитого цикла романов о комиссаре Мартине Беке, удостоенных престижных литературных наград как в Европе, так и в Америке.

Мартин Бек и его коллеги в новой серии расследований сталкиваются с убийствами, которые, судя по личности жертв, кажутся логичными и даже закономерными. Но знание мотивов преступлений несколько не приближает полицейских к их разгадке. Только особое качество комиссара Бека, которое он сам называет «полицейской интуицией», позволяет потянуть за нужные ниточки и распутать весь клубок.

В настоящую книгу вошли три романа декалогии: «Человек по имени Как-его-там» (1969), «Полиция, полиция, картофельное пюре!» (1970), по мотивам которого в 1979 году на Рижской киностудии был снят фильм под названием «Незаконченный ужин», и «Негодяй из Сефлэ» (1971).

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)-44

Литературно-художественное издание

МАЙ ШЕВАЛЬ, ПЕР ВАЛЁ
ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ КАК-ЕГО-ТАМ
ПОЛИЦИЯ, ПОЛИЦИЯ,
КАРТОФЕЛЬНОЕ ПЮРЕ!
НЕГОДЯЙ ИЗ СЕФЛЁ

Ответственный редактор Анна Сарафанова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректор Маргарита Ахметова

Подписано в печать 20.01.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 40. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

V-ILD-25844-01-R